

«УСТАВ О МОНАСТЫРСКОМ ПЛАТЬЕ» 1553 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Устав о монастырском платье 1553 г., времени игуменства Филиппа, хранившийся в библиотеке Соловецкого монастыря, был впервые и единственный раз упомянут в книге Досифея 1836 г.¹ Затем его следы затерялись. Б. Д. Греков, составлявший опись монастырского архива в 1917 г., его не отметил.² И только недавно документ был обнаружен О. В. Панченко в составе Соловецкого собрания Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. О находке он сообщил И. А. Лобаковой, которая вскоре издала Устав с небольшими комментариями.³

Исследовательница отметила уникальность полноты сведений Устава, который регламентирует количество одежды, необходимой каждому иноку в келье, дает перечень самой одежды. Подобные документы для других древнерусских монастырей отсутствуют. На основании текста Устава И. А. Лобакова составила поименный список 107 монахов на 1553 г., указала род их занятий (клирошанин, казначей, келарь, священник и т. д.), дополнила сведения об этих лицах из Вкладной книги Соловецкого монастыря. Обратив внимание на наличие в рукописи чистых листов, исследовательница сделала вывод, что, «вероятно, хозяева были на солеваренных промыслах либо отправлены по монастырским надобностям куда-то с обозом или поручением». Эти листы были оставлены специально для переписи одежды хозяев по их возвращении. И. А. Лобакова указала также, что документ содержит

¹ Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1836. Ч. 1. С. 299.

² Греков Б. Д. Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря // ЛЗАК. Вып. 33. Л., 1926. С. 77—99.

³ Лобакова И. А. 1) Митрополит Филипп Колычев и Соловецкий монастырь // Монастырская культура : Восток и Запад. СПб., 1999. С. 14—195; 2) «Устав о монастырском платье» 1553 г. — один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычева) // Книжные центры Древней Руси : Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 320—341.

«точные сведения о том, как располагались кельи в корпусе, кто из монахов и где жил, что, безусловно, важно для формирования верных представлений о топографии (и в узком, и в широком смысле) Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа». Важность Устава о монастырском платье 1553 г. исследовательница видит прежде всего в том, что он дает представление о жизненном укладе Соловецкого монастыря середины XVI в. с точки зрения провозглашенной в нем «нормы», а также в том, что «в отличие от большинства произведений разной жанровой принадлежности, посвященных Филиппу, Устав делает быт главным предметом изображения, впервые помещая фигуру будущего митрополита Филиппа на бытовой фон», «уже на этом фоне проявляются те его качества, которые обнаруживаются и в грамотах Филиппа, и в его Житии: терпимость, искренняя забота о людях, любовь к ним, готовность войти в положение других (не случайно в тексте так часто повторяются слова «кому будет пожеже», «за нужу», «по разсуждению»)».

Приведенные оценки Устава 1553 г. в целом верны. Велико значение самой публикация уникального документа. Теперь у историков появилась возможность получить более полное представление о Соловецком монастыре первой половины 1550-х гг. и о деятельности Филиппа до начала строительства каменных храмов.

Устав о монастырском платье 1553 г. содержит огромный объем информации, которая в текстовом варианте воспринимается с трудом или вообще не воспринимается. Приведем фрагмент документа: «Да у старца у Филарета у крилошанина — две монатьи болших, да монатьа малая, да два клобука, да две ряски, три шубы (одно — нова), три свитки, двои сапоги, да ступни, рукавицы, топор, да медведно, да онучи, скуфья, да шапка.

Да у старца у Нафонаила у крилошанина — монатьа суздальская, другая — толстая, да монатьа малая, да клобук толстой, да шуба пыжова нова, да боранних три (одно — нова), да две ряски, три свитки, двои сапоги, да полстяники, да ступни, упаки, да поршни, ногавицы, онучи, рукавицы, другие — верхницы» и т. д.

В Уставе названо 107 человек. Их поименный список составлен И. А. Лобаковой. Однако в нем пропущено имя Сидор (№ 49 по порядку), из-за чего нарушилась последующая нумерация. Под № 107 ею записан Иосиф казначей, который может быть отождествлен со старцем-крилошанином (№ 13). С учетом пяти пустых страниц с начатой фразой «Да у старца» (л. 16 об., 17 об., 18, 48 об., 49), оставленных для заполнения, общее количество монахов, пребывающих на Соловках в монастыре в 1553 г., следует оценивать в 112 человек. Это на 24 инока меньше, чем было при игумене Алексее в сентябре 1545 г. («братии же тогда бе

числом 136»),⁴ что может быть истолковано как показатель некоего раскола в монашеской среде в связи с избранием в игумены Филиппа: недовольная часть братии могла оставить монастырь. Впрочем, цифра 136 могла учитывать и тех монахов, которые находились на материке в соловецких вотчинах и на промыслах, а не только на Соловках.

Список Устава открывает игумен Филипп. За ним следуют три священника: Иона, Максим, Исаак (№ 2—4). Три священника вели службу в трех церквах монастыря — Преображенской, Успенской и Никольской, упомянутых в описи 1549 г.⁵ Далее перечислены 11 клирошан (№ 5—15), а затем «старцы» (№ 16—107). Среди последних особо выделены старец-келарь (№ 39), три старца-диакона (№ 65—67), старец-иконник (№ 78), старец в больнице (№ 79) и старец-кузнец (№ 94).

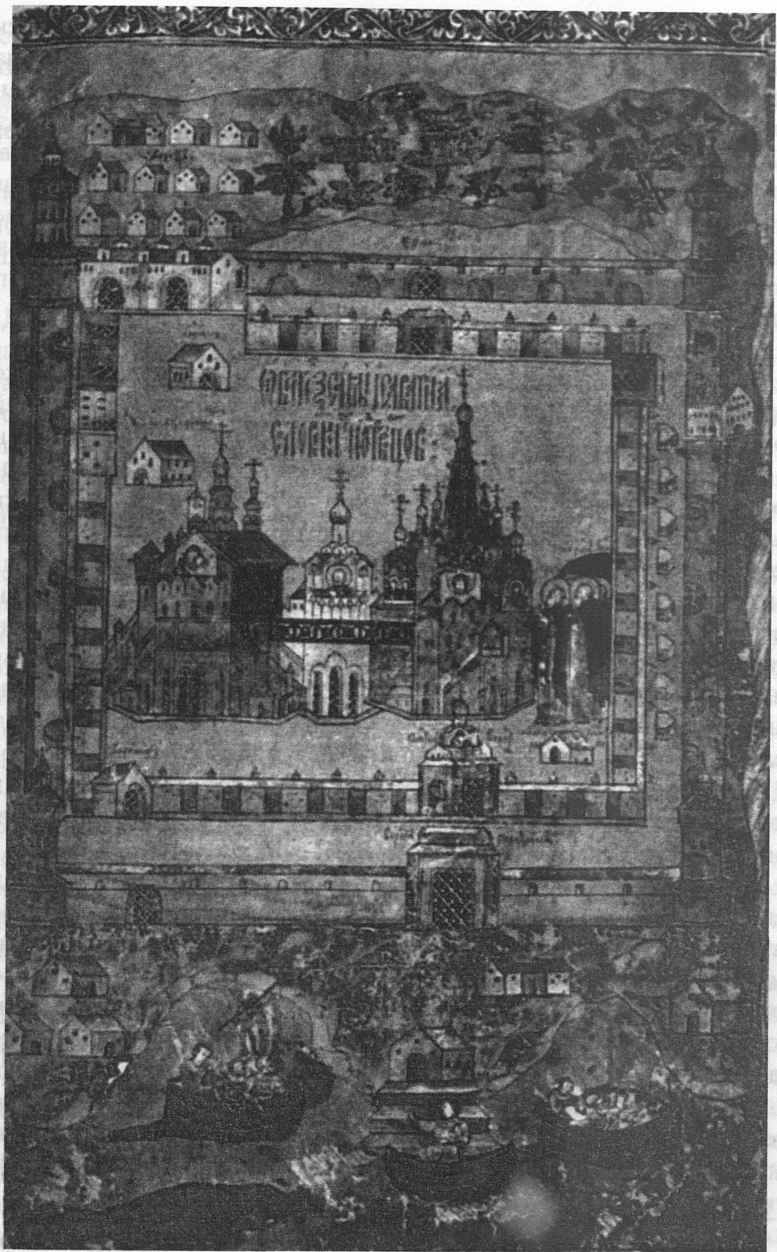
Место расположения келий игумена Филиппа, трех священников и 11 клирошан не указывается. Зато перечень других монахов-старцев дается строго по трем участкам келейной застройки, где они проживали: «От Святых ворот по Морскую сторону до поварни» (№ 16—94), «От Хлебных ворот по Мельничную сторону до Святых ворот» (№ 95—102), «От поварни Озерская сторона до Хлебных ворот» (№ 103—107). Сам термин «сторона» применительно к кельям указывает на регулярный характер келейной застройки. А наличие ворот в ней свидетельствует о ее замкнутости, закрытости. Все это дает представление о кельях 1553 г. как некоем замкнутом пространстве, внутри которого находятся Святые и Хлебные ворота и поварня, и соответствует изображению келий на известной миниатюре Вахрамеевской рукописи конца XVI в. (см. рисунок).⁶ Здесь келейная застройка представлена в виде сплошной келейной стены под одну кровлю, в форме прямоугольника с проездными воротами и встроенной в нее каменной поварней. Такая планировка в целом дошла до нашего времени. Примечательно, что описание келий в начале XVII в. также давалось по сторонам, которые только именовали «порядками»: Игуменский, порядок от озера, порядок от мельницы, кельи от моря.⁷ Отсюда мы приходим к выводу, что к 1553 г. игумен Филипп осуществил коренную реконструкцию планировочной структуры Соловецкого монастыря, расположив кельи

⁴ Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 83.

⁵ Описи Соловецкого монастыря XVI века: Комментированное издание. СПб., 2003. С. 39, 43, 44.

⁶ Миниатюра неоднократно издавалась: Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 209.

⁷ Опись келий 1644 г. (РГАДА, ф. 1201, оп. 1, ед. хр. 455).

Титульный лист Вахрамеевской рукописи «Жития Зосимы и Савватия Соловецких» с изображением Соловецкого монастыря, конец XVI в. (ГИМ, собр. Вахрамеева, № 71).

в виде прямоугольника вокруг будущего центрального комплекса. Тем самым он существенно расширил пространство монастырского двора к северу, подготовив место под грандиозный ансамбль центрального комплекса. Теперь становится ясна фраза «Сказания о Филиппове строении», произведения начала XVII в., о том, что игумен Филипп «и келии многи постави во упокоение братии и слугам».⁸ Речь идет именно о принципиально новой, регулярной композиции ансамбля келий. До изучения Устава 1553 г. время возникновения данной планировки Соловецкого монастыря и ее автор оставались неизвестны.

Как уже отмечалось, Устав 1553 г. упоминает поварню, к которой примыкали деревянные кельи. Из самой структуры келейной застройки следует, что поварня и кельи одновременны. И хотя «Сказание о Филиппове строении» сообщает, что здание поварни было каменным («Да Филипп преподобный созда полату каменну на подклетах, идеже монастырьскую казну держать. Да позади полаты постави две поварни каменны с келиями вельми пречюдны к монастырьским потребам. Едина ести варять на братию и на слуг, а другая поварня, идеже квас варят на братию и на слуг»), в настоящее время установлено, что каменная поварня была построена уже после Филиппа в 1572 г.⁹ Для нас важно само место расположения поварни — в северо-восточном углу келейной застройки. Именно вблизи нее и будет вскоре построена трапезная палата. Таким образом, сама топография деревянной поварни 1553 г. предусматривала скорое возведение поблизости новой каменной трапезной (1552—1557).

Привлечение актов документов позволяет уточнить, когда завершилось строительство келий. В 1550 г. игумен Филипп обратился к царю Ивану IV Васильевичу с просьбой дать монастырю поморские волости, богатые лесом, поскольку намечалось возведение каменной Успенской церкви, а строительного леса на Соловках не было. В ответной грамоте царь воспроизвел текст послания монахов: «Что нам били челом, а сказывают, что ставят оне церковь камену, а от монастыря деи у них с острова лес вышел (курсу мой. — В. Б.), и у них деи на церковное строение лесу нет...».¹⁰ Надо полагать, к 1550 г. огромное количество соло-

⁸ Буров В. А., Охотина-Линд Н. А. Три произведения конца XVI—начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 168.

⁹ Там же. С. 167; Мельник А. Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV—XVII веках. Ярославль, 2000. С. 91.

¹⁰ Акты Соловецкого монастыря 1479—1571 гг. / Сост. И. З. Либерзон. Л., 1988. С. 96, № 153.

вещкого леса «вышло» в первую очередь именно на строительство келий при игумене Филиппе, а до этого на восстановление деревянных храмов после огромного пожара 1538 г. еще при игумене Алексее.

Кстати сказать, лес понадобился Филиппу и на новую мельницу с толчеей, которые он поставил на выкопанном рве к югу от монастыря. Но для обеспечения водного потока монахам пришлось соединить каналами озера и направить их общий сток в море. «Сказание о Филиппове строении» сообщает об этом так: «Да Филипп же преподобный начат з братиею горы высокия копати и приводит воды из езер во езера разныя. И приведе 72 езера воды во едино езеро, иже бе под монастырем. И ис того езера ров ископа и испусти воду в море сквозе монастырь. И ту сотвори две мельницы к монастырскому строению вельми угодны со всякими мельничными службами. А в тех мельницах устроены трои жерновы, а четвертая толчая. На единой воде и мелют, и толкут, и сеют ситом, и подсевают решетом. То все вкупе совершается единою водою».¹¹ Упоминание в описи 1549 г. водяных мельниц с толчеей («да на Соловетцком же острове... три мелницы водяных, да толчая»)¹² позволяет утверждать, что создание канальной системы и строительство двух мельниц с толчеей на специально прорытом из Святого озера канале было осуществлено Филиппом до 1549 г., т. е. в то же время, что и строительство келий.

Продолжим анализ Устава о монастырском платье 1553 г. Общий список распределения одежды и предметов монастырского обихода (всего 83 наименования) среди 107 монахов позволяет оперировать статистическими данными. Устанавливается количественный состав монастырской одежды, обуви, инструмента, оборудования, находившегося в кельях.

Верхняя теплая одежда представлена меховыми шубами (278 шт.), шубетцами (3 шт.), телогреями (27 шт.) и одной телогрейкой без рукавов. Всего 369 шт.

Выделяется одна-единственная наиболее дорогая песцовая шуба, предназначенная для дороги, дальних зимних поездок. Она так и определена как «дорожная». Ее принадлежность игумену Филиппу характеризует его как человека, не чуждого роскоши вне стен монастыря. Шубы были заячьи (2 шт.), бараньи (13 шт.), пыжовые (6 шт.). Для большинства шуб мех не указан: они называются просто «шубы» (193 шт.) и шубы парадные — «соборные», предназначенные для церковной службы (61 шт.). Две

¹¹ Буров В. А., Охотина-Линд Н. А. Три произведения... С. 167.

¹² Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 51.

шубы названы «одеальными» (шуба одеальница-одевальница — простая шуба, накидываемая поверх одежды).¹³

Шубетцо, очевидно, короткая шуба, было явно непопулярно среди монахов. Только двое из братии носили пыжовое и один монах — заячье шубетцо.

Телогреи меховые — теплая одежда в дополнение к шубам. Носили их 27 человек. Телогрейка без рукавов, еще менее используемая, была только у одного монаха.

Верхнюю одежду соловецких монахов составляла также сермяга — кафтан из серого крестьянского домотканого сукна (63 шт.) и каптур — накидка с капюшоном (68 шт.). Каптур был белый с сукном (2 шт.), суконный (2 шт.), теплый мерлушковый, т. е. из шкурки ягненка (2 шт.),¹⁴ студеный (1 шт.). Но чаще упоминается просто «каптур» (61 шт.).

Монашеское одеяние было представлено манатьей (161 шт.), манатейкой (68 шт.), ряской — верхней одеждой, поверх которой одевалась мантия¹⁵ (177 шт.), рясенцем (2 шт.), сорочкой или рубахой из полотна — свиткой (310 шт.) и исподкой (2 шт.). Всего 720 шт.

Манатьи — монашеские мантии, накидки — различались по размерам (малая — 31 шт., средняя — 1 шт., большая — 30 шт.), теплоте (тонкая — 3 шт., холодная — 1 шт., толстая — 1 шт.) и, очевидно, по фасону и происхождению (суздальская — 5 шт.). В большинстве случаев манатьи никак не характеризуются, называются просто «манатьи» (89 шт.). Манатейка — уменьшительное от «манатья». Они именуются как малые (66 шт.), средние (1 шт.) и просто манатейки (1 шт.). Манатейка малая и манатья малая выступали как синонимы. У кого была манатья малая, у того обязательно отсутствовала манатейка малая.

Головные уборы были представлены клобуком (129 шт.), скуфьей (64 шт.), шапкой (48 шт.), треухом (1 шт.), всего — 242 шт. Клобуки в двух случаях подразделялись на толстый и суздальский. Последний, как и в случае с манатьей, явно связан с особым покроем суздальского производства.

Татаур — ременной монашеский пояс, почему-то упомянут всего один раз. Ногавицы — часть костюма, облегаящая ноги (78 шт.). Пукши — штаны из плотного домотканого сукна (3 шт.). Чулки — вязаная обувь до колен (2 пары). Онучи — два куска плотной материи, обмотки под обувь (103 шт.). В монастыре была 161 пара рукавиц.

¹³ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1987. Вып. 12. С. 266, 275.

¹⁴ Там же. М., 1982. Вып. 9. С. 102.

¹⁵ Там же. М., 1997. Вып. 22. С. 292.

Обувь соловецких монахов была достаточно разнообразна: поршни (63 пары), ступни — широкие тапки без задника (54 пары), упакы — грубые, тяжелые рабочие сапоги с сыромятными голенищами (10 пар), полстяники — катанки (28 пар), сапоги (254 пары), полуголяники — мягкие полусапожки до середины голени (11 пар), стрешни — обувь из грубой кожи без задников (2 пары). Всего 422 пары.

Подводя итоги, можно констатировать, что в пользовании братии Соловецкого монастыря, насчитывавшей в 1553 г. свыше 107 человек, было: 369 меховых шуб и телогрей, 131 каптур и кафтан — верхняя одежда, 720 штук монашеского одеяния (манатка, манатейка, ряска и др.), 242 головных убора, 161 пара рукавиц, 422 пары обуви.

Таким образом, Устав 1553 г. свидетельствует о солидной материальной базе обитатели. Особенно важно подчеркнуть, что все это была монастырская собственность, распределяемая среди монахов: «Лета 7061-го месяца февраля в 5 день Филиппъ-игумень [с] Соловецкого монастыря священниками, и с келаремъ, и с казначеемъ, и с соборными старцы, и съ всею братьею, посоветовавъ в трапезе, полюбовно положили есмя межъ собою в братьи, по кольку намъ платья держати монастырского». В Уставе часто употреблен глагол «давати»: «... а давати имъ прегоже по тому же платью по разсуждению: кому будет пригоже — по доброй шубе, да по средней, да по одеяльной... А которым будет пригоже братьямъ в монастыре сермяга — дать, ино ему и третья за нужу — дати».

Приобретение или изготовление такого количества монастырского «платья» и обуви требовало немалых капиталовложений. И они в монастыре имелись. Опись Соловецкого монастыря 1549 г. отмечает, что в то время в казне было 1835 р. сбережения предыдущего игумена Алексея: «А в казне денег. Что отписано игумену Алексею тысяча четыреста рублей, да по кабалам взяти тритцать пять рублей, да прибыли четыреста рублей в московское число. И всех денег в казне тысяча восьмьсот тритцать пять рублей. И с теми, кои по кабалам взяти».¹⁶

Текст Устава 1553 г. не называет точного места производства одежды и обуви, за исключением, пожалуй, суздальских манатей и клобуков. Часть этого имущества могла быть безусловно закуплена на материке. Известно, что в Новгороде и Пскове были ремесленники, занимавшиеся пошивом одежды для клириков. Например, новгородские лавочные и псковские писцовые книги 1580-х гг. упоминают среди посадских людей манатейщиков,

¹⁶ Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 50.

специализировавшихся на пошиве мантий.¹⁷ Вместе с тем мы можем уверенно говорить и о том, что при игумене Филиппе на Соловках было налажено собственное производство одежды и обуви, а также выделка кожи. Устав 1553 г. упоминает швальню (швейную) портную, швальню чеботную и кожевню, которые размещались вне территории монастыря — на так называемом дворце: «А на дворец во швальню в портную и по клеткам до половине ходилъ старец Тимофей, и с ним Феодосей-крилошанинъ, да старец Еуфимей Баквица, да старец Никонъ. А в другую швальню — в чеботную — и по клеткам до половине ходилъ старец Генадий, да старец Малафей, да старец Аркадей, да старецъ Гедонъ-крилошанин. А в кожевню послали старца Марка, да с ним Венямина-крилошанина».¹⁸

Сведения о местоположении производственного комплекса «дворца» в непосредственной близости от монастыря, на северном берегу Святого озера находим на миниатюре Вахрамеевской рукописи конца XVI в. (см. рисунок). Здесь изображено 11 построек, расположенных в три ряда. Приведен и топоним местности: «дворецъ» (очевидно, ударение надо делать на первом слоге). Данное слово означает меньший по размерам двор¹⁹ — меньший явно по отношению к основному монастырскому двору.

Обувная, одежная пошивочные и кожевенная мастерские в середине XVI в. были достаточно обширным производством, если для их описания потребовалось привлечь несколько человек. На основании того, что работавшие в них люди жили на том же «дворце» вне обители, в специальных постройках-«клетках», можно сделать вывод, что это были миряне или послушники, а не сами монахи. Мастерские также носили монастырское платье и обувь. Но опись этого монастырского имущества в 1553 г. не была сделана.

На наличие собственных монастырских пошивочных мастерских указывают также большие запасы в казне тканей, овчин, кож, готовых шуб, шапок-«колпаков», перечисленных в описи Соловецкого монастыря 1549 г.:

«Да сукон простых андомских две тысячи локот. Да холстов тысяча локот.

Да сермяжных сукон тысяча локот. Да полотен две тысячи локот. Да шуба лисья. Да двесте овчин. Да шуб бораньих сорок. Да пятьдесят колпаков.

¹⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 9. С. 25.

¹⁸ Лобакова И. А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. С. 341 (л. 62 об.—63).

¹⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1977. Вып. 4. С. 191.

Да кож: красных десять, да дублянных дватцать, да сырых седьмдесят кож, да ворваньи[х] восьмдеся[т]». ²⁰

Если учесть, что длина локтя составляла 0.45—0.47 м, то общий метраж хранившихся в монастырской казне тканей впечатляет — около 2700—2820 м: сукна из волости Андома Обонежской пятины — 900—940 м, холсты — 450—470 м, сукна сермяжные — 450—470 м, полотняная ткань — 900—940 м.

Надо полагать, что к 1549 г. были заготовлены необходимые припасы для начала массового пошива одежды и обуви. В момент составления описи уже началось шитье бараньих шуб (сделано 40 шт.), «колпаков» — остроконечных шапок с отворотом (50 шт.). А к 1553 г. братия Соловецкого монастыря и монастырские работники уже имели в своем распоряжении всю необходимую одежду, одеяние, обувь. Устав лишь констатировал распределение одежды и обуви среди братии. Следовательно, к 1549 г. игуменом Филиппом было начато массовое производство одежды и обуви для соловецкой братии и работников, а еще ранее для этой цели были построены на северном берегу Святого озера жилые клетки, швальни, кожевня — целый ремесленный городок.

Данный комплекс на «дворце» продолжал активно функционировать и развиваться после Филиппа до самого конца XVI столетия, когда численность монашеской братии перевалила за 200 человек и приблизилась к цифре 300. К этому времени и относится его изображение на уже упомянутой миниатюре Вахрамеевской рукописи.

Монастырские описи по-прежнему фиксируют большие запасы тканей и кож. В опись 1570 г. говорится: «Да в казне... сукна пять тысяч локот андомского, да пятьсот локот сукон рядных сермяжных, да четыреста локот полотен, да тысяча кож нерпых деланых, да шестьдесят кож яловичьих мечилных белых, да тритцать кож яловичьих красных, да сапогов красных и белых восьмдесят, да сермяг белых тритцать, да шуб бораньих пятдесят, полтора ора овчин, да крашенин пятнатцать... да сто пятдесят колпаков, да манатей восемь, да двенатцать рясок». ²¹

При составлении описи монастыря в 1597 г. впервые было указано на назначение тканей, хранившихся в казне, отмечено наличие и нового платья: «Да сукон старческих манатейных и свиточных пять тысяч семьсот сорок семь локоть. Да мирских сермяжных сукон четыре тысячи семьсот дватцать локоть. Да холстов тонких и толстых пять тысяч. Да брацкого платья. Тритцать манатей новых. Да дватцать клобуков. Да тритцать ря-

²⁰ Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 50.

²¹ Там же. С. 84.

сок. Да дватцать свиток. Да тринацать шуб бораньих. Да мирского платья нового. Пяддесят сермяг. Да пяддесят кафтанов. Да дватцать кафтанов шубные. Да дватцать шуб. Да сто тритцать рубашек с портками. Да двести деяниц. Да полтретьяста колпаков. Да двести дватцать овчин. Да шездесят крашенин. Да сто пяддесят опойков. Да сто войлуков коровьих. Да сапогов братцких красных и белых восьмьдесят двои сапоги. Да мирских красных и белых девяносто трои сапоги. Да подкладанцов и пришивок тритцатеры сапоги, да пяддесятеры поршни. Да задубных сорок кож. Да сто дватцать софтей телятин красных и белых. Да семьсот дватцать нерп деланых. Да восьмьнатцать сыромьятей говяжьи. Да пятьсот рукавицы верхонки».²²

Устав 1553 г. называет постельные принадлежности: 11 одеял бараньих, 2 простых одеяла, 2 перины, 3 подушки. Роль одеял-покрывал, очевидно, исполняли 62 войлока. Положок (плотная ткань), шкуры оленей (7 шт.) и медведей (3 шт.) также могли использоваться в этих целях.

Знаменательно упоминание в этом перечне «оленины». До сих пор мы не располагали данными о времени заведения на Соловках оленей. «Житие Филиппа митрополита» и Соловецкий патерик отмечают лишь сам этот факт: «в леса пустил лапландских оленей для того, чтобы из шкур их выделывать платье и обувь».²³ Скорее всего, завоз оленей на Соловки игумен Филипп осуществил до 1553 г.

В Уставе 1553 г. перечислен также монастырский инструментарий, который показывает отношение некоторых старцев к плотницкому делу. Так, в распоряжении монаха Феофана находился топор-просек для прорезывания пазов. У старца Никандра были топор-пазник, три простых топора и «кривая секира»; последняя явно была непригодна как оружие. Марк имел в своем распоряжении 5 топоров, лавку (вероятно, небольшую — рабочую), шатер и суму. Старец Конан располагал скобелем.

Старец Аркадий, видимо, был мастером по металлу. За ним значились клещи, сверло, бурав (напарья), специальные кожаные штаны из плотного домотканого сукна — пукши — рабочая одежда. О его грязной работе свидетельствует то, что ему выдали также медный рукомойник. В то же время за старцем-кузнецом Вассианом не числился никакой инструмент. Надо полагать, весь инструмент тот держал в кузнице.

Знаменательно само упоминание монаха-кузнеца: в 1553 г. на Соловках была своя кузница. По-видимому, и 132 простых топо-

²² Там же. С. 165—166.

²³ Соловецкий патерик. М., 1991 (репринт с издания 1873 г.). С. 50.

ра, находившиеся в распоряжении старцев для колки дров, являлись местной продукцией.

Подведем итоги. Анализ «Устава о монастырском платье» 1553 г. в сопоставлении с другими источниками позволил раскрыть новые страницы деятельности игумена Филиппа (Колычева) на Соловках и еще раз убедиться в неординарности этой личности. Для него не было мелочей, все делалось с размахом. Ко всякому делу игумен Филипп подходил масштабно, будь то пошив одежды, обуви или обеспечение братии топорами для колки дров, или строительство келий и производственных комплексов. Но даже эта его деятельность в конечном итоге была подчинена глобальной идее. Смысл его деятельности в Соловецком монастыре — возведение на Соловках одного из величайших на Руси культовых комплексов в честь Преображения и Успения, включающих Преображенский собор, Успенскую церковь с трапезной палатой, Никольскую церковь и звонницу. Очевидно, помня недовольство части братии его планами в первый период игуменства (1543—1545), когда не удался сбор пожертвований на строительство каменных храмов, Филипп начал свой второй период правления в Соловецком монастыре с решения всех социальных вопросов. За достаточно короткий срок, семь лет, он вместе с трудолюбивой монашеской братией полностью обустроил жизнь обители на высоком уровне: в прямом смысле обул, одел, согрел, накормил, предоставил хорошее жилье всей братии и мирским труженикам. И только после этого в 1552 г. игумен Филипп приступил к воплощению в жизнь своей великой мечты.